

Борис РАВЕНСКИХ:

Я — ЗА СОЮЗ С БОЛЬШОЙ ЛИТЕРАТУРОЙ

В этот вечер опять, уже в который раз, шла в Московском театре имени А. С. Пушкина «Поднятая целина». Зрители взволнованно следили за судьбами коммунистов Гремячего Лога: неожиданно новым предстал на сцене шолоховский роман в прочтении режиссера В. Равенских, выдвинутого сейчас за эту постановку на соискание Государственной премии. То была и романтическая песня о коммунистах Гремячего Лога, добровольно принявших на себя ответственность за будущее человечества, готовых на подвиг и на смерть во имя высоких идеалов революции. И вместе с тем задушевный рассказ об отношениях людей, которые складывались не сразу и не просто. О событиях не только героических, но и будничных, житейских рассказывала постановка.

Пожалуй, трудно назвать в репертуаре театра другой спектакль, который так естественно соединил бы в себе самое характерное в творческих устремлениях и коллектива, и его руководителя. Естественно поэтому, что и разговор с режиссером прежде всего коснулся «Поднятой целины».

— Уже стало банальностью повторять, что театр начинается с литературы. Однако повторять приходится. Жизнь каждый раз подтверждает эту истину. «Поднятая целина» содержит такое великое множество мыслей и проблем, что буквально дух захватывает. Работая над инсценировкой, я не раз и не два перечитал книгу, и глаза буквально разбегались. Ограничить себя, выбрать «свое», поверьте, было нелегко. Но мы старались и в этом случае придерживаться той позиции в искусстве, которую занимает и впредь намерен занимать наш театр.

Любой театральный коллектив стремится воспитывать и образовывать зрителя. Только каждый делает это по-своему. Мы стремимся говорить со сцены о величии человека, о его высоком общественном призвании. Вряд ли этой задаче помогут произведения мнимосложные, герои которых погружены в хлипкий самоанализ души, на поверку ничтожной и пустой. Нет. Решить такую задачу под силу театру значительных мыслей и чувств, широких философских обобщений, ярких че-

ловеческих индивидуально-стей.

Ну, а где найдешь такой сплав, как не в большой литературе, в большой драматургии?

Вот почему таким радостным событием была для нас встреча с Михаилом Шолоховым. Ведь роман этот дорог нам сегодня не только достоверным описанием прошлого, но и устремленностью в будущее. Его герои одержимы великой целью и сами достойны ее. Они глашатаи высоких идеалов. И слова их, высокие и красивые, доходят до сердца каждого, потому что открыты партийной страстью.

Я люблю следить за зрительным залом, когда у нас на сцене идет Шолохов. Участники спектакля удивительно прониклись философией его героев и верой своей зажигают публику.

...Мы разговариваем в кабинете главного режиссера. Это в полном смысле слова рабочая комната. Здесь царствуют рукописи, деловые бумаги и книги. И мягкие кресла стоят перед столом только для посетителей.

Борис Иванович рассказывает по кабинету, потом останавливается у афиши октябрьского репертуара, на которой значатся имена: Михаил Шолохов и Бернард Шоу, Борис Полевой и Сергей Антонов, Леонид Андреев и Михаил Зощенко.

— Здесь нет пока еще одного имени — оно появится в юбилейной, ноябрьской афише — Леонид Леонов. Его «Метель» теперь впервые в Москве увидит свет ramпы. Это очень «наша» пьеса. Главное в ней — глубокий патриотизм, удивительная любовь автора к России, к земле русской.

Ведь какие только метели не пронесли над страной, а она становилась сильнее. И еще говорит Леонов о замечательных людях — коммунистах, стоявших, не согнувшись перед трудностями.

Пьеса по-леоновски талантлива. Она захватывает масштабностью обобщений и крупностью характеров. Подобные конфликты, подобные характеры подсказывают мужественные сценические решения, помогают лепить выразительные

до символики мизансцены, добиваться симфонического звучания произведения.

Мы часто говорим, что кино вобрало в себя разнообразие выразительных средств других искусств. А театр? Разве монументальность архитектуры и пластическая завершенность скульптуры противоречат природе театра? В скульптурах Родена такие мизансцены, что можно с ума сойти!

Великий режиссер советского театра Мейерхольд (Всеволод Эмильевич был моим учителем) завещал нам не пренебрегать поисками острых пространственных решений, точным рисунком мизансцен, смелой внешней формой. Бытовое жизнеподобие, на мой взгляд, не к лицу театру, родившемуся с Октябрем. Слова Луначарского «мы требуем героического подьема. Наш театр — театр героического реализма» не утратили своей актуальности и по сию пору.

Наше искусство должно быть наполнено светом оптимизма, жизнеутверждения. Так мы читаем и леоновскую «Метель». Так мы намерены прочесть свои будущие спектакли о двух больших поэтах земли советской — Есенине и Светлове. Они были великими патриотами и великими жизнелюбами.

Когда коллектив Малого театра был на гастролях в Париже, на одной из прессконференций нам бросили упрек, что у нас, дескать, в стране реже стали появляться в театре и кино самобытные произведения искусства. Неправда! Есть у нас самобытное, истинно народное, истинно наше. Но есть и подражательное, замимствованное, «модное». И за это стыдно, потому что такое искусство, как говорится, «ни нашим, ни вашим». Сегодня, когда календарь отсчитывает последние дни перед славным юбилеем, пора со всей решительностью напомнить о величии самобытного. Дорогу ему! Почет ему!

Е. СЕМЕНОВ

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА
МОСКВА

11 Окт 1967